

Заступничество за инакомыслящих

Никитин делал все возможное, чтобы оградить Академию от посягательств на нее и ее членов со стороны правительства. В 1908 г., например, он отвел от Академии серьезную угрозу, исходившую от Министерства внутренних дел как раз в то время, когда в Думе решалась судьба новых академических штатов. Министерство обратилось к вице-президенту с запросом о членах враждебных политических партий, состоявших на службе в Академии. «Войдя в состав той или другой противоправительственной политической партии, — разъяснялось в циркуляре, — они утратили право оставаться на государственной службе, т. е. быть агентами того самого Правительства, противниками которого стали, а следовательно должны быть уволены, даже помимо их на то согласия»³⁸⁵.

Никитин поступил как благородный и уверенный в своей правоте человек: он отказался от приглашения к доносительству и не назвал ни одного имени академика, принадлежавшего к какой бы то ни было партии, кроме своего собственного: о себе он сообщил, что принадлежит к организации «Союза 17 октября». Никитин доказывал, что создание прецедента увольнения с академической службы за принадлежность к какой-нибудь партии могло привести к разрушительным для Академии наук последствиям, когда «пришлось бы замещение вакансий академиков ставить в зависимость от политической окраски или политической покладистости кандидатов»³⁸⁶. Никитин отстаивал перед Министерством внутренних дел допустимость инакомыслия в академической среде. «Люди науки, — писал он, — редко оказываются искусными политическими борцами, но склонны иногда бывают дорожить неприкосновенностью не только научных, но и политических своих убеждений. То беспокойство, какое способен причинить правительству хотя бы и очень крупный ученый своей принадлежностью к какой-нибудь организации, не может идти ни в какое сравнение с тем ущербом, какой потерпели бы и дело науки да — думаю — и престиж правительства, если бы способные и добросовестные ученые стали подвергаться удалению из Академии не за какое-нибудь преступление, а единственно за откровенность и стойкость своих убеждений»³⁸⁷.

Когда Министерство внутренних дел направляло вице-президенту Академии наук свой циркуляр, оно уже располагало сведениями о противозаконных действиях академика А. А. Маркова. Вице-президент в свою очередь считал безосновательным признавать политическое благоразумие

---

³⁸⁵ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 295. Л. 3 об.—4. Письмо от 27.06.1908.

³⁸⁶ Там же. Л. 6 об.

³⁸⁷ Там же.

обязательной принадлежностью академика и не раз отстаивал право Маркова наравне с другими гражданами участвовать в общественной жизни страны (хотя сам первый получал порицания со стороны академического и высшего начальства). Никитин находил довольно естественным, «что в периоды бурного политического движения именно люди, привыкшие к решению отвлеченных научных вопросов, обнаруживают склонность к таким политическим теориям, которыми вопросы народной жизни решаются, по-видимому, с той же прямолинейной простотой и с той же радикальной последовательностью, какие высоко ценятся в теориях научных. Можно радоваться, что в составе нашей Академии эта склонность скольконибудь резко проявилась в действиях одного лица»³⁸⁸.

Андрей Андреевич Марков (1856–1922) своими гениальными исследованиями по теории чисел, математическому анализу и теории вероятностей (ее важные понятия названы именем создателя: «цепь Маркова» и «марковский процесс») оставил неизгладимый след в истории науки и нашей Академии наук, в которую он был избран адъюнктом в тридцатилетнем возрасте (1886 г.). Беспокойный представитель такой благонадежной науки, как математика, Марков резко выделялся в академической среде. По отзыву Стеклова, «свойства его на редкость прямой души были настолько своеобразны, что не укладывались в обычных рамках»³⁸⁹.

В 1922 г., чествуя память товарища по Академии, Ольденбург вспоминал академические будни начала века: «Товарищи А. А. Маркова по Академии и университету, да, вероятно, и многие другие, помнят разнообразные выступления А. А. Маркова и в печати и в собраниях, всегда, когда ему казалось, что совершена несправедливость; делалось это с таким полным пренебрежением к форме заявления и к последствиям, какие оно могло иметь для А. А. Маркова, что эти выступления создали ему, несправедливо конечно, репутацию чудака»³⁹⁰. Коллеги Маркова мирились с особенностями его характера, снисходительно относились к его слабости иметь по любому мало-мальски значимому вопросу академической жизни свое особое мнение. «Марков был бы не Марков, если бы уступил чьей бы то ни было просьбе», — сетовал Никитин³⁹¹.

---

³⁸⁸ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29 Л. 73 об.–74. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.11.1907.

³⁸⁹ Стеклов В. А. Андрей Андреевич Марков: (Некрол. очерк) // Известия РАН. Сер. 6. 1922. № 1/18. С. 182.

³⁹⁰ Ольденбург С. Ф. Российская Академия наук в 1922 году: Речь неперменного секретаря акад. С. Ф. Ольденбурга. Читана в торжественном заседании 29 декабря 1922 г. Пг., 1923. С. 3.

³⁹¹ В 1910 г. Константин Константинович после очередного выступления Маркова вынужден был дать Министерству народного просвещения нелицеприятный отчет о его ин-

В 1902 г. Марков протестовал против кассации выборов Горького и даже подал прошение об отставке. Никитин одним из первых просил его вернуться к академическим занятиям³⁹². В начале 1905 г. Марков возобновил свой протест против кассации выборов Горького и вновь вернулся к этому вопросу в связи с предполагаемым в 1906 г. чествованием почетного академика Кони по случаю 40-летия его научной деятельности³⁹³. Марков выступил с заявлением, в котором упрекнул Кони в том, что тот, будучи почетным академиком, не поддержал протеста Чехова и Короленко «при возмутительном случае кассации выбора г. Пешкова»³⁹⁴. Никитин отказался подписать протокол, содержащий заявление Маркова, мотивируя

дивидуальных особенностях: «Акад. Марков при выдающихся ученых достоинствах и научных заслугах отличался всегда некоторой неуравновешенностью и повышенной возбудимостью, доводящими его до не вполне нормальных в судебных отношениях поступков, граничащих с проявлениями болезненного характера. Лет 10–15 назад акад. Марков, сознавая себя страдающим нервным расстройством, просил увольнения из Академии, но воспользовался предоставленным ему для лечения отпуском и после лечебного курса возвратился к своим академическим обязанностям и ученым занятиям. Вероятно, однако, полного исцеления не последовало, т. к. в поступках А. А. Маркова время от времени проявлялись несвойственные здоровомыслящему человеку и академику ненормальности, но к ним Академия привыкла и, ввиду несомненных ученых заслуг своего сочлена, относилась снисходительно. Павловск. 21.12.1910»: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 91–92 (написано Кеппеном).

³⁹² О своих переговорах с Марковым Никитин писал Константину Константиновичу: «Моя прежняя попытка подействовать успокоительно на академика Маркова, на первых порах сулившая было некоторый успех, в конце концов оказалась неудачной. Поэтому я полагаю, что мне являться к нему снова в роли советника было бы бесполезно и, пожалуй, даже вредно. Сочту долгом приискать для нее других исполнителей среди академиков, к которым он должен быть более склонен относиться с товарищеской доверчивостью. Обращусь прежде всего к Сонину. Но думаю сделать это лишь в течение Святой недели, если только Ваше Высочество не признаете такого замедления нежелательным. У Маркова третьего дня умерла дочь. Говорят, он сильно потрясен этим несчастьем. Довольно вероятно, что при настоящем своем душевном настроении он не захочет слушать ничьих советов и будет внимательнее к внушениям благоразумия после, когда время притупит остроту его отцовского горя и ослабит силу того раздражения, под влиянием которого он подал просьбу об отставке. Известно его постоянное старание обосновывать каждый свой шаг в академических делах параграфами Устава Академии. Возможно, что подавая эту просьбу, он имел в виду § 62 Устава, т. е. смотрел на нее как на предупреждение о намерении, которое должно осуществиться лишь через полгода»: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21. Л. 90. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 10.04.1902.

³⁹³ Протоколы заседаний ОС. № 10. 27 сентября 1905 г. § 193 (и Приложение). Приветствие начинается словами: «Глубокоуважаемый Анатолий Федорович, „Не довольно“! Вот первые слова, которые просятся на язык, когда обращаешься к Вашей, ныне уже сорокалетней, общественной деятельности. Не довольно потому, что хорошего никогда не бывает „довольно“...»

³⁹⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а–1905. Д. 152. Л. 110 об. Академик Марков написал: «Адреса не подпишу».

это тем, что в нем употреблено «неудобное» выражение³⁹⁵. Ольденбург сообщил Маркову это замечание, прибавив, что и сам находит желательным замену резкого эпитета другим. Марков был крайне возмущен³⁹⁶ и 3 декабря на Общем собрании высказал свое недовольство тем, что вице-президент создает прецедент для отказа от подписи протокола. Никитин отвечал ему, что если он поступает неправильно, то готов подвергнуться законной ответственности. Марков продолжал возражать и замолчал только после того, как Шахматов заметил, что лучше было бы приступить к очередным делам, не тратя времени на обсуждение вопроса вовсе неинтересного³⁹⁷.

Коллеги привыкли к выходкам Маркова и относились к ним с тихим юмором. В 1906 г. Никитин упомянул об одной из них как о забавном эпизоде: «Перед началом заседания дал в обычной своей манере представление Марков: заявил, что дело, для которого созвано Экстраординарное собрание, не считает неотложным, а потому против созыва протестует, и в знак протеста вышел из заседания. Ни выражениями сожаления, ни просьбами остаться его удаление не сопровождалось»³⁹⁸.

В марте 1907 г. большой общественный резонанс получило публичное выступление Маркова в поддержку студентов Военно-медицинской академии, которые требовали удаления из академии членов «Союза русского народа»³⁹⁹. «Союзники» направили Никитину письмо, в котором, не стес-

---

³⁹⁵ Протоколы заседаний ОС. № 13. 5 ноября 1905 г. § 217.

³⁹⁶ Марков писал 12 октября 1905 г. Лаппо-Данилевскому: «Сегодня либеральный г. не-пременный секретарь вместе с вице-президентом глубоко возмутили меня настойчивым желанием подвергнуть их цензуре мое заявление, помещенное в корректуре протокола экстра заседания Общего собрания 28 сентября. Им желательно, чтобы я не называл возмущительным факт, который возмущает меня не менее их настойчивого желания. Итак, даже академика желаю лишить слова. Я надеюсь, что Вы, так или иначе, поддержите принцип неприкосновенности заявлений академиков»: ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 239. Л. 1–2.

³⁹⁷ Эта перепалка, конечно, не попала в Протокол ОС 3 декабря № 14. § 228. См.: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 85. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 3.12.1905.

³⁹⁸ Там же. Д. 28. Л. 20 об.–21. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 8 апреля 1906 г.

³⁹⁹ В резолюции студенческой сходки говорилось: «Признавая, что в стенах учебного заведения не должно быть места лицам, принадлежащим к союзам погромщиков и палачей, считая позором и осквернением студенчества, когда его именем прикрываются агенты охранного отделения и черной сотни, мы, студенты Военно-медицинской академии, заявляем, что не потерпим в своей среде ни членов «Союза русского народа», ни агентов сыска и впредь будем защищать Академию от таких элементов всеми имеющимися у нас средствами вплоть до активного бойкота». Цит. по: *Гродзенский С. Я.* Андрей Андреевич Марков. С. 96. А. А. Киреев с возмущением писал президенту Академии наук: «А недавняя „демонстрация“ Маркова разве не характерна? На это можно сказать — „в семье не без

няясь в выражениях, требовали изгнания Маркова из Академии наук. Никитин же твердо стоял на том, что «прискорбное вмешательство академика Маркова в дела Военно-медицинской академии, составляя личное его деяние, не может быть толкуемо в ущерб достоинству Императорской Академии наук»⁴⁰⁰.

Спустя два месяца министр народного просвещения П. М. Кауфман в личной беседе упрекнул Никитина в том, что Академия наук ничего не предприняла по поводу выступления Маркова. На это Никитин отвечал: «Если имеется в виду что-нибудь вроде замечания или выговора, то они нимало не смутили бы человека, обладающего такой болезненной уверенностью в своей всегдашней правоте, что на самое основательное вразумление он отвечал бы: „Эти вещи я отлично и без Вас понимаю“ или что-нибудь в этом роде, и гордился бы своим ответом, как подвигом»⁴⁰¹. По иронии судьбы однофамильцем академика А. А. Маркова был Н. Е. Марков, так называемый Марков 2-й, член ЦК «Союза русского народа», лидер крайних правых в III и IV Государственных думах. Путаница имен доставляла А. А. Маркову немало огорчений⁴⁰².

Только улеглись страсти по поводу мартовского выступления Маркова, как разразился новый скандал. На этот раз его протест вызвал новый закон о выборах в III Государственную думу, издание которого последовало за разгоном 3 июня 1907 г. II Государственной думы. Марков направил в Правление Академии наук просьбу не вносить его имя в списки избирателей, а в газету «Товарищ» — заметку, в которой он предлагал рассмотреть юридический вопрос: не является ли молчаливое соглашательство с начальством, нарушающим закон, соучастием в преступлении⁴⁰³. Хотя в ней примером послужили отношения Совета университета и ректора, другие газеты раскрыли ее истинный смысл и разъяснили предмет запроса: преступно участвовать в выборах членов Государственной думы по новому избирательному закону, потому что самый этот закон есть преступление.

По мнению министра народного просвещения П. М. Кауфмана, за такое

урока», конечно, но их стараются исправлять в ортопедическом заведении. Им возражают ортопедическими воздействиями»: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 72. Письмо А. А. Киреева Константину Константиновичу от 31.10.1907.

⁴⁰⁰ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 22. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу 23–24.03.1907.

⁴⁰¹ Там же. Л. 45. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 12.06.1907.

⁴⁰² Сам Марков ответ на одно из воззваний «Союза 17-го октября», который он переименовал в «Союз добрых рабов», подписал: «Просто русский академик А. Марков»: *Гродзенский С. Я. Андрей Андреевич Марков*. С. 95.

⁴⁰³ Там же. С. 97.

письмо Маркова следовало уволить со службы. Никитин счел своим долгом заметить министру, что, «насколько мало люди, сколько-нибудь знающие Маркова, придают значения его мнениям по вопросам жизни, настолько же высоко он ценится как человек науки; что прежде чем применять к нему крайнюю меру взыскания, желательно было бы тщательно взвесить, насколько она необходима; что, чем значительнее вина, тем более было бы в интересах самой государственной службы налагать наказание не чисто административным распоряжением, а по суду»⁴⁰⁴. По счастью, более близкое знакомство с текстом заметки показало, что по закону Марков был неуязвим, так как в ней не было никакого упоминания о Думе и выборах, и административное преследование Маркова прекратилось. В Академии наук выступление Маркова не обсуждалось и по заведенному вице-президентом порядку было оставлено на его гражданской совести.

Однако этот инцидент и особенно неприятная беседа с министром народного просвещения навели Никитина на мысли об отставке. «Чем дольше я обдумывал этот разговор, — тем яснее для меня становилось, как было бы хорошо, если бы не я был вице-президентом Академии. Говорю это не потому, что в выражениях или тоне речи министра было что-нибудь резкое по отношению ко мне. Ничего этого не было. Но если за Маркова винить Академию, то больше всех виноват я. Виноват тем, что относился к его выходкам так, а не иначе в тех заседаниях, в которых я председательствовал, виноват тем, что по Вашему запросу или и без него не предлагал таких мер и не сумел возбудить в моих коллегам таких отношений к поступкам Маркова, при которых невозможны были бы те укоры по адресу Академии, какие сегодня мне пришлось выслушать. Пишу это не для того, чтобы Вашу бесконечную доброту и милость побудить к заявлению: „Вы не виноваты. Вы делали, что было можно“. Нет, Ваше Высочество! Самое искреннее желание видеть и Ваше бремя более легким и Академию более спокойной и благоденствующей заставляет меня желать, чтобы Вы нашли другого человека для вице-президентства — такого, который был бы и более находчив в трудных обстоятельствах, которые теперь так часто повторяются, и с большим увлечением относился к своей должности»⁴⁰⁵.

Константин Константинович отнесся к просьбе Никитина сочувственно: «Относительно П. В. Никитина и его сомнений стоит подумать. Он

---

⁴⁰⁴ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 44 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 12.06.1907. Годом раньше Никитин писал об отставке: «По всей вероятности, другой на моем месте гораздо лучше меня управился бы с затруднительными обстоятельствами последних времен. Все яснее сознаю, что при нынешних условиях не по силам мне вице-президентство»: Там же. Д. 28. Л. 17 об. —19. Письмо от 20.03.1906.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 29. Л. 45–45 об.

человек искренний и не для одних любезных слов завел разговор об оставлении звания вице-президентства. Конечно, оно тяготит его, и особенно теперь, когда он не чувствует нравственной связи с большинством отделений, единения с ними и опоры в них. Вожделений власти и борьбы в нем тоже нет. Едва ли можно удерживать человека против его желания»⁴⁰⁶. После раздумий и колебаний Константин Константинович не принял отставку Никитина, и тот еще 10 лет тянул лямку вице-президентства.

Марков тем временем не устал протестовать⁴⁰⁷. В конце концов, в 1912 г. он потребовал от Св. Синода отлучить его от церкви и был признан «отпавшим» от православной церкви. Советская власть проявила гораздо меньше терпимости к чудачествам гения, и Марков быстро это понял.

* * *

В 1912 г. Никитин содействовал Радлову в приеме на службу в Музей антропологии и этнографии бывшего политического ссыльного, члена народнической организации «Земля и воля» Эдуарда Карловича Пекарского (1858–1934)⁴⁰⁸. Среди сотрудников музея были бывшие политические ссыльные, которые стали хорошими знатоками этнографии тех народов, среди которых им пришлось жить долгие годы: Д. А. Клеменц начал свою научную деятельность в Минусинске и Иркутске, Л. Я. Штернберг, находясь в ссылке на Сахалине, изучал этнографию нивхов (гиляков), на Алтае сформировался как этнограф С. М. Дудин.

Пекарский был осужден в 1881 г. к ссылке в Якутию на 15 лет⁴⁰⁹. Годы,

---

⁴⁰⁶ Там же. Л. 46. Президент подумал тогда о замене Никитина Розеном.

⁴⁰⁷ В 1911 г. Марков побуждал Общее собрание «возбудить немедленно ходатайство о возвращении в Московский университет уволенных профессоров». Предложение Маркова было решительно отклонено президентом Академии: Там же. Ф. 1. Оп. 2–1911. Д. 63. Л. 2 об. Резолюция президента: «Безусловно не допускаю обсуждения вопроса, поставленного академиком Марковым»: Там же. Л. 1.

⁴⁰⁸ См. о нем: Эдуард Карлович Пекарский (К 100-летию со дня рождения). Якутск, 1958; *Оконешников Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф*. Якутск, 1972; *Гинев В. Н.* Эдуард Карлович Пекарский: От революции к этнографии // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 249–271.

⁴⁰⁹ Вспоминая в 1922 г. события своей бурной молодости, Пекарский писал: «Прокурор изо всех сил старался показать, что я принадлежу к числу закоренелых преступников, прошедших сквозь огонь, воду и медные трубы, и рисовал меня как фанатически преданного революции ученика Бакунина. Самое отсутствие доказательства ставилось мне в вину: это только доказывало-де мою ловкость: я был виновец, конечно, и в том, что не дал жандармерии нужных ей показаний, из коих они могли бы создать громкое дело. Мой отказ давать показания свидетельствовал, по мнению прокурора, о моей особой закоренелости»: ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 128. Л. 20. *Пекарский Э. К.* «Дело» обо мне. 1922 г.

проведенные в Якутии, коренным образом изменили его жизнь: он сблизился с якутами и серьезно занялся изучением якутского языка, составил «Словарь якутского языка»⁴¹⁰, который Академия наук приняла в число своих изданий⁴¹¹, наряду с собранным им материалом по фольклору якутов⁴¹². Большую поддержку Пекарскому оказывал Радлов⁴¹³.

В 1905 г. Пекарский был помилован и поселился в Петербурге, и в 1911 г. Радлов сделал попытку принять Пекарского, к тому времени автора десятка научных трудов по этнографии малых народов Сибири, на службу в музей. Однако получить разрешение начальства принять на службу бывшего политического ссыльного было гораздо труднее, чем издавать его труды. На свою просьбу Радлов получил отказ министра народного просвещения Л. А. Кассо, мотивированный тем, что «по сведениям, относящимся к 1907 г., Пекарский принимал активное участие в революционном движении, поддерживая связи с политическими ссыльными в городе Якутске. Наконец, по последним, совершенно секретным данным, Пекарский состоит членом партии народных социалистов»⁴¹⁴. Тогда Радлов приватно причислил Пекарского в помощь себе по заведованию Петровской галереей музея, и в 1915 г. был опубликован путеводитель по галерее, составленный Пекарским⁴¹⁵.

Весной 1912 г. Пекарский в числе тех, кто содействовал устройству Петровской галереи, был представлен к избранию в младшие этнографы и избран ИФО и Общим собранием. За избранием должно было последо-

---

⁴¹⁰ История якутоведения в Академии наук восходит к 1845 г., когда академик А. Ф. Миддендорф привез из своего сибирского путешествия материалы по якутскому языку и предложил заняться их обработкой Бетлингу. Бетлинг сначала и не думал братья за них, но, видя, что никто из его товарищей не берет на себя любопытную работу, он, пользуясь присутствием в Петербурге носителя якутского языка, принялся за его изучение. Результатом этих работ явилась его «Грамматика якутского языка» (1851), которая послужила основой для составления словаря Пекарского. Пекарский пытался получить у Бетлинга рекомендации о методах словарной работы, но из-за отъезда академика в Германию эти обращения остались без ответа.

⁴¹¹ Словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским при ближайшем содействии покойных Д. Д. Попова и В. М. Ионова. СПб.-Л., 1907–1930. Вып. 1–3.

⁴¹² Образцы народной литературы якутов. СПб.-Пг., 1907–1918. Т. 1–3.

⁴¹³ В 1924 г. Пекарский написал: «Я столь многим обязан академику Радлову как в отношении издания моих работ, так и в деле устройства меня на том месте, которое я в настоящее время занимаю...»: ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 127. Л. 22. В 1918 г., в год смерти Радлова, Пекарский посвятил его памяти второй выпуск II тома своего труда «Образцы народной литературы у якутов».

⁴¹⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 59 а. Письмо Л. А. Кассо Константину Константиновичу от 3.11.1911. С пометкой «совершенно секретно».

⁴¹⁵ Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. Галерея императора Петра I / Составил Э. К. Пекарский. Пг., 1915.

вать определение на государственную службу, и вновь возникло препятствие в виде подозрений Пекарского в неблагонадежности. Никитин взялся отстоять перед Министерством народного просвещения право Пекарского поступить на государственную службу в Академию наук. Единственным основанием, имевшим для вице-президента силу, было то, что Пекарский был удостоен избрания Общим собранием Академии, и этот выбор был сделан, по словам Никитина, «с той точки зрения, на которой должна стоять конференция, т. е. с точки зрения научной подготовленности предлагаемого кандидата». Мнение Константина Константиновича о кандидатуре Пекарского было известно, он его высказал на полях донесения министра: «Лучше бы воздержаться и быть осмотрительнее. К. 4.11.11». Несмотря на то, что шансы на утверждение Пекарского в должности младшего этнографа были невелики, Никитин убедил президента попытаться получить необходимое разрешение в департаменте полиции.

«Пользы службы, — убеждал Никитин президента, — не выиграли бы, а пострадали бы, если бы допущению на нее человека, хорошо к ней подготовленного и способного, помешали показания, или сомнительные или не имеющие значения для той должности, которая имеется в виду. Известно, как часто сведения политических агентов основаны бывают на недоразумениях. Если «активное участие в революционном движении» приписывается Пекарскому только потому (как можно понять из письма г. министра), что Пекарский «поддерживал связи с политическими ссыльными в городе Якутске», то весьма возможно, что и этом случае, как часто бывает, истина послужила основанием вывода ложного. Бывший политический ссыльный, полжизни или около того проведший в Якутске и его окрестностях, составитель якутского словаря, собиратель произведений народной словесности якутов, исследователь быта этого племени, конечно, не мог не иметь и не поддерживать связей как с якутами, так и с теми русскими, которые невольно сделались знатоками жизни якутов, но мог оставаться в стороне от революционных замыслов. Я не знаю, в чем состоит учение народных социалистов, но слышал, что так называют сотрудников журнала «Русское богатство»; как видно из списка, представленного Радловым, в этом журнале помещены были Пекарским составленные кем-то (вероятно, умершим ссыльным) воспоминания о Чернышевском: может быть, это и есть единственный признак принадлежности Пекарского к партии. Если бы якутский губернатор, начальник области, в которой Пекарский так долго жил и поддерживал будто бы такие предосудительные связи, верил в активность участия Пекарского в революционном движении 1907 года или вообще считал Пекарского человеком политически опасным, то едва ли стал бы в 1909 году так усердно хлопотать о назначении такому

человеку значительного казенного пособия, хотя бы и был высокого мнения о «Якутском словаре»...

Чтобы как-нибудь попытаться выйти из этих затруднений и недоумений, не дозволите ли мне Ваше Императорское Высочество обратиться от моего имени с письменным официальным запросом в департамент полиции о том, не встречается ли с его стороны препятствий к определению Пекарского на государственную службу на такую-то должность при таком-то музее. Если — что всего, конечно, вероятнее — ответ получится тождественный по своему существу с письмом министра, то Пекарскому придется остаться в положении служащего при музее по найму. Но, может быть, департамент, сообразив или сомнительность прежних своих сведений, или противоположность им сведений за последнее время, или свойства той должности, о которой идет речь, даст ответ, благоприятный для Пекарского. В таком случае имелось бы достаточное основание для его определения и на государственную службу»⁴¹⁶. Под нажимом Никитина изменил свое мнение и осторожный Константин Константинович. На полях письма Никитина есть его карандашная пометка: «С Вашими, Петр Васильевич, доводами вполне согласен и прошу вас снести с департаментом Полиции, ссылаясь на значение, придаваемое трудам Пекарского Якутским губернатором»⁴¹⁷.

Ответ на запрос Никитина был получен положительный. В доверительном письме исправляющего должность директора департамента полиции от 11 октября 1912 г. на имя Радлова сказано, что министр внутренних дел «в виду давности революционной деятельности, погашенной высочайшим помилованием Пекарского, и позднейших научных его трудов, удостоенных внимания Императорской Академии наук, а также аттестации Вашей, не изволил встретить со своей стороны препятствий к определению на службу во вверенном Вашему превосходительству музее»⁴¹⁸. В Академии наук Пекарский продолжил свои занятия этнографией и фольклором якутов и эвенков. В 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1931 г. — ее почетным членом.

*Постоянная комиссия для пособия нуждающимся
ученым, литераторам и публицистам*

Как мы старались показать, отношение Академии наук как государственного научного учреждения к «основам» существующего строя в на-

---

⁴¹⁶ Полностью опубли.: *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 151–153.

⁴¹⁷ Там же. С. 154.

⁴¹⁸ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.